

Т. В. Станюкович

**Л. Я. ШТЕРНБЕРГ И МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

[К 125-летию со дня рождения ученого]

Л. Я. Штернберг начал свою деятельность в Музее антропологии и этнографии в 1901 г. на сороковом году жизни. К этому времени он уже имел большой полевой опыт и был известен как исследователь народов Дальнего Востока. Музейная же работа ему была почти незнакома.

Вступление Штернберга в должность старшего этнографа академического Музея совпало с переломным этапом в истории этого учреждения. Именно в 1900-е годы в связи с подготовкой празднования 200-летнего юбилея Петербурга директор Музея, академик В. В. Радлов, сумел добиться увеличения штата и расширения экспозиционной площади Музея. Штаты эти были невелики и ограничивались тремя единицами: одним старшим и двумя младшими этнографами, работа же предстояла огромная. Предполагалось по новому плану экспонировать коллекции Петровской Кунсткамеры и собрания, унаследованные от этнографического и анатомического музеев Академии наук. Л. Я. Штернберг как старший этнограф должен был возглавить эту работу. Многотысячные коллекции, в своей массе плохо определенные и документированные, пришлось сортировать, как вспоминал он впоследствии, «сначала по крупным территориям, затем по отдельным культурно-этническим группам и внутри каждого подразделения распределить объекты по отделам и подотделам культуры»¹.

Определение и описание коллекций, подбор новых материалов, а также создание юбилейной экспозиции осуществлялись наряду со штатными сотрудниками и некоторыми учеными-энтузиастами, добровольно включившимися в работу. В числе последних был академик С. Ф. Ольденбург, принимавший с 1901 г. активное участие во всех видах музейной деятельности и руководивший (безвозмездно) отделом «Буддийский мир» вплоть до своей кончины (1934 г.).

Л. Я. Штернберг и возглавляемый им коллектив трудились с огромным энтузиазмом. За два неполных года они сумели создать совершенно новую экспозицию, занявшую два этажа музейного здания.

Характеризуя данную экспозицию, Л. Я. Штернберг писал: «Каковы бы ни были достоинства нового размещения коллекций, неоспоримы две особенности ее (экспозиции.— Т. С.): 1) строго выдержанный культурно-этнический принцип размещения коллекций и 2) внутри каждой культурно-этнической группы расположение предметов исключительно по односторонности их назначения и роли в культуре»². Экспозиция эта для своего времени была крупным шагом вперед. Однако следует отметить, что при построении ее не проводился последовательно какой-либо единый принцип. Материалы группировались по частям света, по странам, внутри же разделов рубрикация осуществлялась по различным принципам: географическому, этническому, лингвистическому, по типу хозяйства,

¹ Ко дню 70-летия В. В. Радлова. СПб., 1907, с. 54.

² Там же.

а также по тематике. Например, отдел Азии подразделялся на «народы Крайнего Северо-Востока» (палеоазиаты, тунгусско-тюркские и угро-финские народы), «жители Средней Азии» («монголы-кочевники», «монгольские культурные государства») и тематическую экспозицию («Буддийский мир», «Шаманство и шаманы») ³.

Методика подачи материала была усовершенствована. Если раньше предметы выставлялись «не по их научной ценности, а по их эффективности, экзотичности, красочности», то теперь определяющим критерием было их научное значение ⁴.

Новая юбилейная экспозиция была торжественно открыта в дни празднования 200-летия Петербурга. Гигантская работа по подготовке и созданию ее многому научила сотрудников Музея, в частности Л. Я. Штернберга. Знакомство со всеми экспонатами Музея позволило ему выявить, что есть в фондах по тому или иному народу, по той или иной теме, и таким образом определить «белые пятна», чтобы в дальнейшем организовать планомерный сбор коллекций. Он изучил экспозиции различных типов и убедился, что дальнейшая плодотворная работа в этнографическом музее и вообще в области этнографии невозможна без знания методики этнографического музееведения других стран и, главное, без музейных работников, имеющих этнографическое образование.

В России в начале XX в. этнография не была предметом специального обучения ни в одном из высших учебных заведений. В Московском университете она значилась, правда, в числе дисциплин, однако читалась sporadически, факультативно, по выражению Л. Я. Штернберга, «контрабандным путем» ⁵. В результате этнографией занимались лица, получившие образование за рубежом, либо русские ученые (географы, юристы, медики и т. д.), не имевшие специальной этнографической подготовки.

С первых же лет работы в Музее Л. Я. Штернберг использует каждую возможность для внедрения этнографических знаний в любой аудитории.

Сложность этого начинания в 1910-х годах была особенно велика, ибо царское правительство, напуганное национально-освободительным движением на окраинах империи, зачислило этнографию (как науку, способствующую подъему национального самосознания) в разряд «неблагонадежных».

В связи с этим лекции по этнографии Л. Я. Штернбергу приходилось читать нелегально (иногда он делал это непосредственно в залах Музея, иногда вне его). В 1904—1905 гг. он читает курс лекций педагогам так называемой Смоленской школы для рабочих; в 1905—1907 гг. — слушателям Лесгафтовских курсов ⁶; в 1906 г. — учителям средних школ; с 1907 г. — студентам географического кружка Петербургского университета и т. д. ⁷

Лесгафтовские курсы (или, как их чаще называли, Вольная высшая школа) представляли учреждение, не имевшее никаких официальных прав и не дававшее диплома. Тем не менее вокруг них группировались прогрессивные научные и общественные силы. В числе профессоров, читавших на Лесгафтовских курсах, следует назвать их организатора, известного медика и педагога П. Ф. Лесгафта, а также крупнейшего кристаллографа Е. С. Федорова, химика Н. А. Морозова, минералога И. Д. Лукашевича и многих других ⁸. Цель этого учреждения была, во-первых, ознакомить слушателей с новейшими методическими приемами преподавания и, во-вторых, углубить их знания, главным образом в области наук естественно-исторического профиля.

³ Путеводитель по Музею антропологии и этнографии. СПб., 1904.

⁴ Штернберг С. А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук. — Сб. МАЭ, т. VII. Л., 1928, с. 35, и др.

⁵ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее ЛОА АН СССР), ф. 282, оп. 1, № 46, л. 1.

⁶ Памяти П. Ф. Лесгафта. СПб., 1912, с. 223—224.

⁷ Штернберг С. А. Указ. раб., с. 42.

⁸ Тр. ЛОА АН СССР, вып. 14. М.—Л., 1957, с. 8; ЛОА АН СССР, ф. 831, оп. 1, № 10, лл. 2 об. и др.

Л. Я. Штернберг, приглашенный в Вольную высшую школу для чтения курса этнографии и антропологии, также не ограничивал себя, судя по сохранившейся наметке лекций, лишь изложением фактического материала. Задача его была шире — доказать необходимость введения этих дисциплин в курс средней и высшей школы. «Ваша обязанность, — говорил он слушателям, большинство которых составляли учителя средних школ, — не только давать те или другие специальные знания, но и служить духовными руководителями подрастающего поколения. В ваши руки отдан наиболее чуткий возраст, когда в развитии души юноши и девушки с величайшим напряжением раскрывают глаза на мир... и от вас зависит, чтобы ваши ученики вступили на арену науки и жизни со сложившимися идеями здорового мышления, благородной гражданственности, с глубоким энтузиазмом к истине, добру и человечеству»⁹.

Этнография, подчеркивал он, — лучший воспитатель гражданственности. История игнорирует все народы за исключением исторических, «искусственно расщепляя в уме учащихся человечество на избранных и отверженных», что на практике «принесло огромное зло», как, например, «колонизальные преступления», «наши взгляды на инородцев», не говоря уже о «преступлении против науки». Этнография же «отыскивала и продолжает отыскивать самые отдаленные участки земли, чтобы занести в свои списки человечества все, что носит название человек» и рассматривает «человечество, как единое», т. е. предлагает единственно правильный «гуманистический подход к этой проблеме»¹⁰.

Основным законом развития человеческого общества, с точки зрения Штернберга, являлась эволюция¹¹, поэтому он считал, что методика изучения этнографических проблем должна быть аналогична той, которая применяется в биологии, т. е. «от простого к сложному». Поскольку этнография занимается изучением первых ступеней развития человечества, «только при свете ее, — утверждал он, — на основании данных о культуре и творчестве у народов самых различных рас и самых различных стадий развития можно говорить об общечеловеческой психологии, формах творческой деятельности, об единстве психической природы человека»¹².

Вольная высшая школа просуществовала недолго. В мае 1907 г. она была закрыта как политически неблагонадежная¹³. Тем не менее многие, прослушавшие курс лекций Штернберга в этой школе или в других неофициальных кружках, до конца жизни считали его своим учителем. В числе их можно назвать видного фольклориста Г. С. Виноградова¹⁴, искусствоведа Н. Д. Флитнер¹⁵ и других ученых. Так, известный фольклорист М. К. Азадовский, будучи уже сам профессором, неизменно подписывался в письмах к Штернбергу (1925—1927 гг.) «Ваш любящий ученик», а в статье «Памяти Л. Я. Штернберга» отмечал: «Этим лекциям, прочитанным небольшой группой молодежи, значительно обязано современное сибирское краеведение и сибирская этнография. Этнографическая работа в Сибири в настоящее время почти на всей территории Сибири ведется учениками Льва Яковлевича Штернберга, вышедшими из этой первой его, неофициальной, аудитории»¹⁶.

Л. Я. Штернберг любил лекторскую работу («самое отрадное у меня — это мои слушатели») ¹⁷. Он не только обогащал слушателей, как и всех, с кем общался, интереснейшим материалом по различным аспектам этнографии, но и неизменно умел заронить в них неистребимый энтузиазм к науке и любимому им Музею.

⁹ ЛОА АН СССР, ф. 282, оп. 1, № 46, лл. 1, об., 2.

¹⁰ Там же, № 30, лл. 2—4.

¹¹ Там же, л. 5 об.

¹² Там же, л. 3.

¹³ Памяти П. Ф. Лесгафта, с. 224.

¹⁴ Астахова А. М. Виноградов Г. С. — Рус. литература, 1966, № 3, с. 198.

¹⁵ Штернберг С. А. Указ. раб., с. 43.

¹⁶ Азадовский М. К. Памяти Л. Я. Штернберга. — Сибирская живая старина, вып. VII, 1928, с. V—VI.

¹⁷ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1 (1923), № 3.

В этом отношении показательна обширная переписка Л. Я. Штернберга. В числе его корреспондентов были русские и иностранные ученые, сельская интеллигенция, а также лица самых разнообразных профессий. В связи с тем, что многие обращались к нему с просьбой выслать программы и инструкции для сбора полевых материалов¹⁸, он разрабатывает такие программы и инструкции и публикует их в специальном сборнике, выдержавшем несколько изданий¹⁹. В одной из инструкций содержалось и несколько рекомендаций по сбору материалов для музеев: «все, что можно, сообразно средствам, из предметов быта и особенно культа приобретать и с соответствующими описаниями передать в Этнографический музей»²⁰. Имелся в ней и ряд указаний по технике документации купленных предметов, как-то: «Для регистрации приобретаемых предметов заведите особую книжку, в которой каждый предмет заносится под особым номером и при этом даются сведения по рубрикам: народ, селение, туземное название предмета и всякие другие добытые данные (кратко). К самому предмету привязывается этикетка с №, под которым предмет записан в книжку, или же (если возможно), № пишется на самом предмете. Если в связи с данным предметом добыты очень обширные сведения, то они заносятся в общий дневник»²¹. «По каждому виду предметов, — пишет он в другом параграфе инструкции, — в частности по орнаменту, важно собирать как можно больше вариантов»²². Более подробно эту же мысль он излагает в своей деловой переписке: «Когда Вы будете покупать местные национальные вышивки и вообще орнаментированные вещи, то старайтесь выяснить туземные названия как целого орнамента, так и отдельных фигур и отдельных частей этих фигур и выяснить значение этих туземных названий, потому что туземные названия всегда очень древнего происхождения и по их содержанию можно определить происхождение и эволюцию того или другого мотива орнамента», или: «За кукол мы Вам очень благодарны, желательно иметь еще и другие формы», «попросите Чурку (гиляка-информатора. — Т. С.) сделать все инау, которые употребляются на Медвежьем празднике, далее, дощечку с изображением солнца и луны..., а также рисовать карандашом мифологические рассказы...»²³.

Встречаются в его письмах также рекомендации по изучению орудий труда, трудовой обрядности и многим другим вопросам. «К весне постарайтесь, если Вы будете иметь возможность быть в сельской местности, — пишет он находящемуся в Персии В. А. Иванову, — присмотреться к обрядам и празднествам во время посева, косовицы и жатвы и опишите все подробно, и приобретайте те предметы, которые во время церемоний употребляются, пусть они будут хоть бы самые простые, допустим какая-нибудь фигура из соломы и т. п., как это делается во время жатвы у наших крестьян... желательны модели всяких земледельческих орудий и, конечно, самые различные формы. Затем желательны инструменты труда вообще и кузнечного в частности... Нет ли также возможности достать старинные лук и стрелы»²⁴ и т. п.

В письмах же он отвечает на бесчисленные вопросы, касающиеся собирательства и транспортировки коллекции: «Как быть с тяжелыми громоздкими вещами?»; «Приобретать ли предметы типичные, которые не местного происхождения?», «Как быть с предметами дорогостоящими?»; «Что предпочтительнее приобретать — предметы новые или уже бывшие в употреблении?»²⁵. В живом общении с корреспондентами им, видимо, и вырабатывались те основные принципы, на которых в настоящее время

¹⁸ Там же, оп. 1 (до 1918), № 70, 71, и др.

¹⁹ Штернберг Л. Я. Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. СПб., 1912: 2-е изд. — СПб., 1914 (далее мы ссылаемся только на 2-е издание).

²⁰ Там же, с. 250.

²¹ Там же, с. 213.

²² Там же, с. 250.

²³ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 63, лл. 374—376.

²⁴ Там же, лл. 374, 376 и др.

²⁵ Там же, № 3, 58, 63 и др.

базируется собирательская деятельность Музея антропологии и этнографии: приобретать по возможности подлинные вещи, иногда даже очень громоздкие; в случае невозможности — заказывать масштабные модели; приобретать вещи в хорошем состоянии, но бывшие в употреблении; коллекции должны характеризовать культуру и быт всех классов данного общества, а в случае большой дороговизны отдельных предметов — возмещать их зарисовками или фотографиями; все приобретенные экспонаты предварительно должны быть зафиксированы в быту и т. д. и т. п.

Выявленные в собрании Музея антропологии и этнографии лакуны позволили планировать дальнейший сбор коллекций. С целью ликвидации этих лакун Л. Я. Штернберг связывался с учеными и путешественниками, многие из которых охотно откликнулись на его просьбу о приобретении тех или иных коллекций. Так, например, В. К. Арсеньев в письме к Л. Я. Штернбергу (1911 г.) писал: «Я считаю своим долгом быть полезным музеям в Москве и Петербурге и быть полезным для Вас лично»²⁶. Последующие письма Арсеньева пестрят сообщениями: «Посылаю Вам те вещи, которые я приобрел у орочей за шелк и стекларус... Посылаю к ним описания»²⁷. «Поручения я Ваши исполнил... купил для Вашего музея ламутские и коряцкие вещи. Список и счет при этом посылаю» (1914)²⁸. «Орочские вещи выслал, шлю привет. Арсеньев» (1914)²⁹. «Думаю, что мне удастся собрать скелеты и черепа. Ваше письмо я возьму с собой. Оно послужит мне программой...» (1915)³⁰, «...теперь я всецело стану усиленно работать для Музея Петра Великого при Императорской Академии наук. Пожалуйста, смотрите на меня, как на своего помощника, обитающего на месте (в Сибири)»³¹ и т. д. и т. п.

Из переписки Л. Я. Штернберга с Б. Владимирцевым: «К Вам в Музей должен скоро придти ящик, отправленный А. В. Булдуковым и мною, с разными буддийскими изображениями, добытыми нами отчасти в одном сургане близ старого байтского монастыря, отчасти в самом монастыре»; «...Относительно костюмов пама вел я здесь переговоры с ламами..., они готовы уступить старый комплект»³².

Способствовали обогащению Музея и многие другие видные путешественники России. Например, в дар Музею поступили ценные коллекции по этнографии народов Тибета и Китая от П. К. Козлова; Тибета и Монголии — от Н. М. Пржевальского; по этнографии народов Востока — от И. П. Минаева, В. В. Розена, В. В. Бартольда, В. А. Иванова; Сибири и Средней Азии — от С. К. Патканова, Н. А. Гондатти и Н. М. Ядринцева.

Существенную помощь в пополнении Музея новыми экспонатами сыграли члены-корреспонденты МАЭ, из которых наибольшей активностью отличались врач-сибиряк В. Н. Кириллов, врач русской миссии в Эфиопии А. И. Кохановский, археолог И. Т. Савенков, известная собирательница кружев М. К. Каблукова-Горбунова, востоковед И. Ж. Жамцарано, В. В. Голубев, Г. М. Осокин, М. А. Круковский и многие другие³³.

Благодаря всем этим пополнениям фонды МАЭ значительно выросли. Особенно хорошо была представлена этнография народов Дальнего Востока и Сибири, по которым, как отмечал в 1911 г. Штернберг, «ни один музей в Европе не имеет подобных по богатству и систематичности собраний»³⁴.

Из зарубежных членов-корреспондентов Музея наибольшей активностью отличались профессор Г. Майер (Лейпциг), директор Колониально-

²⁶ Там же, № 67, л. 245 об.

²⁷ Там же, л. 244.

²⁸ Там же, л. 292.

²⁹ Там же, л. 98.

³⁰ Там же, № 70, л. 49.

³¹ Там же, № 68, л. 120; № 71, л. 19.

³² Там же, № 65, лл. 314—315.

³³ Там же, № 63, л. 414; № 65, лл. 94, 314—316; № 66, лл. 4, 9, 33, 240; № 67, лл. 3—42 и др. Институт членов-корреспондентов МАЭ был утвержден в 1898 г. (Там же, № 53, л. 38).

³⁴ Штернберг Л. Я. Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. — Живая старина, 1911, № 1, с. 465.

го музея в Виллингтоне (Новая Зеландия) А. Хамилтон, директор Музея натуральной истории в Мельбурне (Австралия) Вальдвин-Спенсер, русский консул в Мельбурне М. А. Геденштром и др.³⁵

Создание при Музее антропологии и этнографии Попечительного совета (1909 г.), в состав которого вошел ряд чрезвычайно богатых людей, по тем или иным (порой коммерческим или карьеристским) соображениям щедро субсидирующих Музей, позволило планировать зарубежные поступления. В 1913 г. были организованы экспедиция Н. С. Гумилева и Н. Л. Сверчкова в Абиссинию для приобретения коллекций по культуре и быту галла и амхара³⁶ и экспедиция супругов Мерварт с целью «всесторонне изучить материальную и духовную культуры народов Индии и параллельно с этим составить полное собрание предметов, иллюстрирующих эти культуры с тем расчетом, чтобы это собрание могло послужить материалом для образования в Музее особого отдела культуры Индии»³⁷. Обследование, начатое ими с о. Цейлона, откуда вскоре поступило 30 ящиков коллекций «по быту, искусству и религии», затянулось на ряд лет. Наибольший интерес из собранных ими коллекций (насчитывающих свыше 5500 предметов и свыше 3 тыс. негативов) представляли собрания по народному искусству: по малабарскому народному театру, бенгальскому кукольному театру, росписи и набойки по тканям, керамике и другим художественным ремеслам³⁸. В 1914—1915 гг. группа дипломантов Петербургского университета — И. Д. Стрельников, Ф. А. Фиельструп, Г. Г. Манизер и С. В. Гейман — направилась по поручению МАЭ в Южную Америку, где собрала значительные коллекции, в числе которых особый интерес вызывали предметы быта ботокудов и арауканов. Большая часть этого собрания, как и коллекция из Индии, из-за начавшейся первой мировой войны поступила в МАЭ уже в советское время.

С рядом музеев мира — Берлинским музеем народоведения, Смитсоновским институтом (Вашингтон), этнографическими музеями Дрездена, Мюнхена, Гамбурга, Берлина, Стокгольма, Буэнос-Айреса, Нью-Йоркским музеем естественной истории, музеем в Ла-Плате (Аргентина) — был налажен систематический обмен коллекциями³⁹.

Л. Я. Штернберг принимал непосредственное участие в организации научных контактов с зарубежными музеями. После одной из поездок, предпринятых с этой целью в 1905 г., он докладывал: «Начиная с 15 апреля по 30 июня работал в Нью-Йорке в American Museum for Natural History в антропологическом отделе, знакомясь со специально американскими собраниями, а также с собраниями из Приамурского края. С той же целью две недели провел в Чикаго, где работал преимущественно в Columbian Fields Museum», или: «Вступил в переговоры с американскими музеями о постоянном обмене коллекциями и о взаимном содействии для приобретения коллекций из тех районов, где каждому из договаривающихся с Музеем это окажется наиболее удобным». «Особенно горячо» предложение это было принято Нью-Йоркским музеем естественной истории, куратор этнографического отдела которого, Франц Боас, отобрал по указанию Штернберга «необходимые для нашего Музея различные объекты из быта индейцев, а также часть коллекций из китайской экспедиции Лауфера, каковые предметы уже следуют морем в С.-Петербург». МАЭ со своей стороны «взял на себя обязательство пополнить для американского музея коллекции из быта азиатских народов,

³⁵ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 39, лл. 4, 19—21; № 51, лл. 130, 132, 164; № 53, лл. 360 и др.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 1а (1913), № 60, Историко-филологическое отделение (далее ИФ), § 294; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 65, лл. 80, 83, 371 и др.

³⁷ Там же, ф. 1, оп. 1а (1918), № 165, ИФ, § 154; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, лл. 281—282.

³⁸ Отчет о деятельности МАЭ за 1924—1925 гг. Л., 1926, с. 134—171 и др.

³⁹ Отчеты о деятельности МАЭ за 1901—1917 гг. СПб.—Пг., 1902—1918; ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 39, лл. 17—36; № 51, л. 66; № 53, л. 168; № 56, лл. 15, 166; № 64, л. 332; № 65, л. 183; № 66, л. 407; № 69, л. 130; ф. 1, оп. 1а, № 160, § 447, и др.

частью из дублетов Музея, частью из будущих приобретений»⁴⁰. В 1906 г., «вступив в постоянный обмен с Нью-Йоркским музеем естественной истории и получив от него ценные коллекции», Штернберг ходатайствует перед Историко-филологическим отделением Академии наук о разрешении передать этому музею дуплеты самоедских экспонатов⁴¹. В 1907 г. Штернберг едет в Стокгольм, где заключает соглашение с директором Естественно-исторического музея, проф. С. В. Хартманом, о передаче части «очень ценных в научном отношении» коллекций, полученных из снаряженных им экспедиций в Австралию, Африку и на Филиппинские острова⁴². Заявывает «непрерывный обмен» с проф. Амброзетти, директором музея в Буэнос-Айресе⁴³; получает из Берлинского музея народоведения в обмен «замечательную коллекцию из быта и культа самых интересных и малодоступных племен Мексики»⁴⁴.

Первичная регистрация вновь поступивших коллекций производилась в соответствии с разработанной Л. Я. Штернбергом инструкцией, предусматривавшей все стадии прохождения коллекции, начиная с дезинфекции и кончая занесением входящих в нее предметов в карточный каталог или исключением его из списков (в связи с порчей или передачей). В инструкции четко показывалось, как заносить поступления во «Входящую книгу МАЭ», «Инвентарную книгу коллекции», «Регистрационную опись коллекции», характеризовалась техника фиксации номеров на предметах, давалось определение, что в музее понимается под «одним предметом» («все то, что по своему назначению и характеру составляет одно целое, хотя бы состояло из нескольких отдельных вещей, как например: пара сапог, сосуд и крышка, бубен и колотушка, колода карт, черепки одного и того же горшка») ⁴⁵; указывалось, в каком порядке предметы должны располагаться внутри коллекции, и т. д. и т. п.

Приток коллекций в фонды Музея, прочные и обширные научные связи способствовали росту авторитета Музея антропологии и этнографии, который с годами «из хранилища коллекций постепенно превращается в подлинный исследовательский Институт этнографии»⁴⁶.

После Великой Октябрьской социалистической революции положение Музея антропологии и этнографии, как и самой этнографической науки, резко меняется. Теперь этнография приобретает особое значение в связи с проведением в жизнь ленинской национальной политики, воспитанием советских граждан в духе интернационализма. Для удовлетворения потребности в специалистах-этнографах в Ленинграде во вновь открытом Географическом институте создается этнографическое отделение, бессменным деканом которого был Л. Я. Штернберг.

Преподавание в Географическом институте Л. Я. Штернберг успешно сочетал с деятельностью в Музее антропологии и этнографии, что способствовало тесному контакту этих двух учреждений. Сотрудники Музея читали лекции студентам Института, причем часто непосредственно в залах Музея, используя его экспонаты в качестве иллюстративного материала. Студенты Географического института проводили в МАЭ практику, в ходе которой обязаны были освоить музейную технику, обучиться научному описанию коллекций и изучить экспозицию Музея так, чтобы суметь провести экскурсию по любому из его отделов. В случае необходимости музейные работники обращались к ним за помощью⁴⁷.

Работа в Музее в эти годы была очень напряженной. После призыва В. И. Ленина к интеллигенции (прозвучавшего с трибуны III съезда Со-

⁴⁰ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 56, лл. 54—90.

⁴¹ Там же, л. 166.

⁴² Там же, ф. 1, оп. 1а, № 158, § 67; № 159, § 1912; № 160, § 245.

⁴³ Там же, № 160, § 447.

⁴⁴ Там же, № 158, § 66, и т. д.

⁴⁵ Штернберг Л. Я. Инструкция для регистрации коллекций в Музее антропологии и этнографии. Пг., 1916, с. 3.

⁴⁶ Штернберг Л. Я. Этнографический музей Академии наук СССР. — «Огонек». Специальный номер, посвященный 200-летию Академии наук, 1925, с. 15.

⁴⁷ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1 (1926), № 1, л. 2 об.

ветов) коллектив МАЭ делал все, чтобы достояние культуры народов мира стало действительно «общенародным достоянием»⁴⁸.

Ценнейшие собрания МАЭ, подготовленные в период первой мировой войны к эвакуации, были распакованы, а к октябрю 1918 г. экспозиция Музея восстановлена и открыта для обозрения. В связи с тем что приток посетителей был очень велик, Музей стал функционировать не два (как это было до революции), а шесть дней в неделю⁴⁹. Несмотря на тяжелые бытовые условия (холод, недоедание), музейные сотрудники, в том числе и старший этнограф Л. Я. Штернберг, проводили экскурсии, читали лекции на фабриках и в лазаретах, в воинских частях и школах, пропагандируя идеи равноправия наций, идеи интернационализма. Спрос на лекции и экскурсии был столь велик, что не мог быть удовлетворен даже с помощью студентов. В октябре 1918 г. Л. Я. Штернберг обращается в Народный Комиссариат Просвещения: «считаю,— пишет он,— что в каждом учебном заведении должны иметься лица, специально знакомые с Музеем этнографии, а также что отдел внешкольного образования должен подготовить кадры объяснителей в Музее этнографии». Персонал МАЭ предлагал организовать в неслужебные часы курс лекций для подготовки кадров экскурсоводов⁵⁰. Такие курсы были созданы, и педагоги, получившие соответствующие знания и навыки, в течение ряда последующих десятилетий систематически вели экскурсионную работу наряду с сотрудниками МАЭ. С целью расширения научно-просветительной работы Музея Л. Я. Штернберг одновременно хлопотал «о назначении в МАЭ объяснителей с назначением пайка»⁵¹. Забота о бытовых нуждах являлась неперенным элементом тех героических, но крайне тяжелых лет. «С грустью приходится констатировать,— писал Л. Я. Штернберг в отчете по Музею за 1920 г.⁵²,— что работа в Музее, как и в прошлом году, велась при самых неблагоприятных условиях. Музей совершенно не отапливался, температура в осенние и зимние месяцы стояла все время ниже нуля, и даже в весенние месяцы вплоть до середины июня... При всем том ученый персонал регулярно посещал Музей и со своей стороны делал все возможное, чтобы жизнь Музея не заглохла. Музей был открыт для публики и три лица (В. Г. Богораз, Е. Л. Петри и С. А. Штернберг) регулярно давали объяснения многочисленным экскурсантам. Регистрация и другая текущая работа продолжалась нормально».

Не прекращалась и научно-исследовательская деятельность Музея. В 1918 г. штат его научных сотрудников увеличился до 11 человек. На должность заведующего отделом Средней и Южной Америки был приглашен В. Г. Богораз; «Мусульманский» отдел возглавил И. И. Зарубин. Начиная с 1919 г. по настоянию Л. Я. Штернберга стали проводиться заседания, на которых каждый из заведующих отделов детально характеризовал свои коллекции. Целью этих совещаний было «с одной стороны, совместными усилиями выяснить сравнительно-этнографические проблемы, с другой — дать возможность каждому специалисту всесторонне ознакомиться со всеми отделами Музея настолько, чтобы быть в состоянии давать объяснения различного рода экскурсантам»⁵³.

Продолжалась и издательская деятельность. Именно в 1918—1925 гг. публикуются два выпуска V тома «Сборника МАЭ», путеводители, статьи в трудах русских и иностранных конгрессов и конференций. Было напечатано немало работ и Л. Я. Штернберга, освещавших деятельность и коллекции Музея. Это и ежегодные «Научные отчеты» о работе МАЭ, и статьи, посвященные юбилею Петербурга — Ленинграда (празднование его было намечено на осень 1925 г.), в числе которых «Этнографический музей Академии наук СССР» в специальном юбилейном номере «Огонька» (1925 г.), «Двухвековой юбилей русской этнографии и этно-

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.

⁴⁹ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 73, л. 45.

⁵⁰ Там же, л. 119.

⁵¹ Там же, оп. 1 (1921), № 1, л. 29.

⁵² Там же, р. VI, оп. III, № 4880.

⁵³ Там же, ф. 142, оп. 1 (1919), № 73, л. 192.

графических музеев» (Природа, 1925, № 7—9), «Музей антропологии и этнографии» (в кн. «Музеи Академии наук», Л., 1930), «Музей антропологии и этнографии» (в кн. «Научные учреждения АН СССР», Л., 1927), «Музей антропологии и этнографии» (Л., 1925) и др.

С начала 1920-х годов сотрудники Музея приступили к подготовке новой экспозиции, которую планировали открыть к 200-летию юбилею Академии наук.

Как и при подготовке экспозиции 1903 г., Л. Я. Штернберг едет сам и посылает своих помощников В. Г. Богораза и В. М. Лемешевского за рубеж с тем, чтобы ознакомиться с лучшими достижениями музейного дела в Швеции, Германии, Франции и других европейских странах.

В соответствии с новым экспозиционным планом, составленным Л. Я. Штернбергом, экспозиция должна была «обслуживать как специалистов, так и широкие круги публики одновременно», в том числе интересующихся этнографией и историей культуры студентов, школьников, рабочую молодежь, служа «школой воспитания масс в сознательном отношении к окружающей их современной культуре»⁵⁴. Задачей ее было «представить эволюцию человечества в соматико-антропологическом и культурном отношении, начиная с самой глубокой древности вплоть до новейшего периода европейской цивилизации». «Соматико-антропологический отдел», открывающий экспозицию, должен был содержать материал по ископаемому человеку и по соматике современных народов; экспонаты «Отдела палеонтологического» — знакомить с культурой ископаемого доисторического человека и демонстрировать археологический материал позднейших периодов, «который необходим для общей картины эволюции и для генетического изучения культуры ныне живущих народов, отсталых в культурном отношении».

В связи с тем что для второго отдела требовались коллекции, характеризующие хозяйственный быт примитивного типа, а также антропологические материалы, в 1923—1924 гг. Музей предпринял ряд антропологических, археологических и этнографических экспедиций в Среднюю Азию, Сибирь и северные губернии Европейской России, где было произведено обследование пермяцкого, марийского и русского населения⁵⁵.

«Отдел этнографический» в новой экспозиции предполагал показать «наиболее типичные» культуры народов мира, начиная с самых «отсталых этнических групп» и кончая современными европейскими народами.

В последнем, завершающем экспозицию, «Отделе эволюции и типологии культуры» был намечен показ «типов и процессов эволюции в каждой области культуры и в отдельных культурных институтах»⁵⁶.

Этот план экспозиции (за исключением последнего отдела) и был осуществлен. Основная масса этнографических коллекций характеризовала (в ряде случаев в сравнительном плане) культуру и быт зарубежных народов. Некоторые материалы были сгруппированы тематически (например, коллекции, освещающие религиозные культы и искусство). В так называемой «галерее шаманов» выставлены в полном облачении с принадлежностями камлания фигуры шаманов большей части народов Сибири, а также шаманские гробницы и изображения духов. В разделе, посвященном искусству народов Сибири, экспонировалась скульптура, а также различные предметы быта, украшенные рисунками и орнаментом⁵⁷. В связи с тем, что к юбилею Музей получил в полное распоряжение здание бывшей Кунсткамеры и экспозиционная площадь его увеличилась более чем в 2,5 раза, впервые были выставлены поступившие в последнее десятилетие коллекции по отечественным и зарубежным народам, в том числе характеризующие быт кочевых и оседлых народов Средней Азии, архаическую земледельческую культуру народов Восточ-

⁵⁴ Там же, ф. 4, оп. 2 (1924), № 14, л. 29; ф. 142, оп. 1 (1923), № 3, л. 56.

⁵⁵ Там же, ф. 2, оп. 1 (1924), № 7, лл. 14—16.

⁵⁶ Там же, ф. 4, оп. 2 (1924), № 14, л. 28.

⁵⁷ Музей антропологии и этнографии. Путеводитель. Л., 1925, с. 9.

ного Ирана, культуру и быт народов Южной Америки, Африки и Индии⁵⁸.

Особенно большой интерес представляла экспозиция отдела Индии, находившаяся до революции в зачаточном состоянии. Богатые коллекции, собранные по поручению Л. Я. Штернберга супругами Мерварт, позволили в экспозиции 1925 г. достойно осветить культуру этого многонационального государства⁵⁹.

Экспозиция всех отделов Музея выиграла благодаря более свободному размещению⁶⁰. Произошли некоторые изменения и в оформлении. Так, например, было введено большое число манекенов, причем не в статичных позах, как прежде, а в движении. Особенно выразительны они в «галерее шаманов», персонажи которой, поданные в динамике, производили большое впечатление на посетителей.

«Венцом» всей экспозиции должен был стать «Отдел эволюции и типологии культуры», призванный помочь «понять, как создавалась техника, которой он (человек.— Т. С.) пользуется в своем повседневном быту, как сложились его верования и идеи»⁶¹. Создание такого отдела было давней мечтой Л. Я. Штернберга. Еще в лекциях и беседах начала 1900-х годов он призывал к изучению культуры и быта не в статике, а в динамике. Он считал необходимым создать в Музее такой отдел, в котором бы культура изучалась как сумма культурных явлений. «С этими явлениями нужно поступать по требованиям науки, т. е. в естественных науках выделить из огромной массы разрозненного — однородное и создать общность, ряды, виды и т. д.»⁶². «Изучая процессы творчества на самых низких стадиях культуры, в частности изобретение примитивной техники, — писал ученый, — этнография пришла к несомненному заключению, что процесс и интенсивность творчества по природе своей тождественны на всех стадиях и все различия сводятся лишь к количеству накопившегося опыта, в зависимости от географических и историко-социальных условий». Подобные выводы, — продолжал он, — позволяют сделать «великий прогноз величайшей социальной и этической важности, что все народы одинаково способны к творчеству культуры и что близко то время, когда человечество станет единым не только как единый физический коллектив, но и как единый коллектив культурный»⁶³.

Е. Г. Кагаров, заведовавший «Отделом эволюции и типологии культуры», сформулировал его назначение следующим образом: «Отдел ставит себе задачей сравнительное изучение этнографических явлений и имеет конечной целью представить основные элементы человеческой культуры в их историческом развитии в виде генетически связанных и причинно обусловленных рядов. Эту свою задачу отдел осуществляет при помощи периодических выставок на различные культурно-исторические темы в сравнительно-этнографическом аспекте, каковые могут послужить впоследствии материалом для постоянных коллекций эволюционного отдела»⁶⁴.

Из типологических выставок, созданных, как подчеркивал Е. Г. Кагаров, по замыслу Л. Я. Штернберга⁶⁵, при жизни ученого была осуществлена (1927) лишь первая (из тематической группы, характеризующей производительные силы и производственные отношения первобытного общества) — «Первобытные орудия и оружие»⁶⁶. Эта выставка в четкой, доходчивой форме, в виде типологических схем, сопровождаемых карта-

⁵⁸ Отчет МАЭ за 1925 г., с. 174.

⁵⁹ Музей антропологии и этнографии. Путеводитель, с. 19.

⁶⁰ Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.— Этнография, 1926, № 1—2, с. 275—276.

⁶¹ Штернберг С. А. Указ. раб., с. 63—64.

⁶² ЛОА АН СССР, ф. 282, оп. 1, № 30, л. 6.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, ф. 142, оп. 1 (1927), № 1, л. 6.

⁶⁵ Кагаров Е. Г. Відділ еволюції та типології культури.— Первісне громадянство, 1927, № 1—2, с. 1.

⁶⁶ Черняков З. Е. Выставка первобытных орудий и оружия (МАЭ Академии наук СССР).— Этнография, 1928, № 1, с. 119—122.

ми распространения того или иного типа орудия или явления, а также «родословным древом», ветви которого показывали этапы эволюции данной формы, характеризовала примитивные орудия. Посетители легко могли проследить изменения палиц соответственно разнообразным функциям: колющие, копальные, оборонительные (пики, стрелы, дроты, дубины, булавы ручные и метательные, бумеранги, щит, копалки, мотыги, кирки и, наконец, плуг).

Аналогичные ряды характеризовали орудия из камня, лук и стрелы, ножи и мечи. «Попытка расположить коллекции по эволюционному принципу, — отмечалось в журнале «Этнография», — произведена, насколько нам известно, впервые. И нужно сказать, что эта попытка увенчалась успехом»⁶⁷.

Последующие выставки, тоже имевшие значительный успех: «Огонь в истории культуры» (1928); «Типы жилища», «Экономические и социальные корни искусства» (1929), — были осуществлены уже после смерти Л. Я. Штернберга.

Создание «Отдела эволюции и типологии культуры» в МАЭ не было случайностью. Оно было подготовлено всем ходом развития этнографии и других гуманитарных наук этого периода. В середине 1920-х годов видные этнографы (Д. К. Зеленин, С. П. Толстов, Е. Г. Кагаров) издают ряд трудов по отдельным проблемам материальной и духовной культуры, базирующихся на методе типологического сравнения. Аналогичные исследования проводятся археологами, фольклористами и лингвистами. Применение типологического метода в музейной экспозиции было для своего времени явлением прогрессивным, позволявшим в доходчивой форме знакомить посетителей с последними достижениями этнографической науки.

Заканчивая обзор деятельности Л. Я. Штернберга в Музее антропологии и этнографии, хочется добавить, что он делом своей жизни подтвердил слова, сказанные ему В. В. Радловым при его приеме: «Музейным человеком никто не рождается», «музейные люди вырабатываются в процессе работы»⁶⁸. Придя в Музей антропологии и этнографии без специальных знаний и опыта, Л. Я. Штернберг вскоре превращается в опытного, никогда не устающего учиться музейного работника, сумевшего сплотить вокруг Музея широкий научный актив, наладить плановое пополнение его фондов, создать стройную, опирающуюся на последние научные достижения, выполняемую в соответствии с новейшими методическими и оформительскими приемами экспозицию⁶⁹.

Л. Я. Штернберг высоко ценил музейный предмет не только как экспонат, но и как научный источник, как базу исследовательской лаборатории ученого. Он широко использовал музейные материалы в своих работах, таких, например, как «Айнская проблема»⁷⁰, «Античный культ близнецов при свете этнографии»⁷¹, «Культ близнецов в Китае»⁷², «Культ орла у сибирских народов»⁷³ и других. Многие из этих исследований опубликованы в «Сборнике Музея антропологии и этнографии», в комплектовании и редактировании которого Л. Я. Штернберг принимал активнейшее участие.

⁶⁷ Там же, с. 122.

⁶⁸ Штернберг С. А. Указ. раб., с. 32.

⁶⁹ 250 лет Музея антропологии и этнографии. — Сб. МАЭ, т. XXII. М. — Л., 1964, с. 92, 117 и др.

⁷⁰ Сб. МАЭ, т. VIII. Л., 1929, с. 334—374.

⁷¹ Сб. МАЭ, т. III. СПб., 1916, с. 133—184.

⁷² Сб. МАЭ, т. VI. Л., 1927, с. 1—18.

⁷³ Сб. МАЭ, т. V. Л., 1925, с. 717—740.